

и «внешнего» миров человека. Ей противостоит рефлексивность — способность к разотождествлению, различению (и различимости или разобщенности). Идентичность предполагает различие в особенном (индивидуальная идентичность) и единство во многом (множественная идентичность).

Итак, идентичность человека имеет триединую природу. Она определяется как тождественность (высокая степень соотнесенности) Ядра человека (смысложизненного центра) и его самости: (1) с социальным или культурным целым — группой, сообществом и их культурой (социальная и культурная идентичность); (2) со своей самостью (самоидентичность); (3) с Абсолютом и сферой трансцендентного (мета- или сверх-идентичность).

М.В. ТЛОСТАНОВА

ОТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ К ИДЕНТИЧНОСТЯМ В ПОЛИТИКЕ: ДОПОЛНЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Масштабная критика политики идентичностей привела к многочисленным попыткам ее переосмысления, одной из которых стала мысль В. Миньоло о качественном переходе от политики идентичностей, как статичной и сущностной в основе попытки сохранить status quo, к идентичностям в политике — модели, соответствующей пограничному гнозису и пограничному критическому мышлению¹.

Иной продолжал существовать в рамках политики идентичностей, лишь будучи классифицирован имперским и/или национальным субъектом. Можно сказать, что политика идентичностей была прямым следствием имперского знания, которое окрестило обитателей Нового Света индейцами, мусульман — фундаменталистами, людей нетрадиционной сексуальной ориентации — извращенцами, азиатов — желтой расой и т.д.

Тлостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории философии РУДН (Москва).

¹ См.: *Mignolo W. Epistemic disobedience: the de-colonial option and the meaning of identity in politics // Mignolo W. I Am Where I Think* (forthcoming 2010, Duke University Press, Durham).

Политика идентичностей, взятая на вооружение самим иным, породила опасные тенденции группового фундаментализма самого разного толка, основанного на эссенциалистском и исключаящем по сути понимании идентичности как застывшей данности.

Идентичность в политике — это уже нечто иное. Она не связана со статичной идентификацией, открыта для вхождения самых разных элементов и представляет собой осознанную и критическую потребность надстраивать радикально трансформирующие проекты на ту душашую идентичность, которая была навязана иному имперским своим. Навязанность здесь означает, что идентичность не онтологична, а всегда концептуальна, что идентичности именно конструируются и навязываются господствующими дискурсами, а не выходят из «глубины души» тех, кого подвергают классификациям и идентификациям.

Критическое пограничное мышление трансформирует двойную идентичность и двойное сознание имперско-колониальной конфигурации модерности в эпистемологические и политические проекты деколонизации, где акцент не на освобождении кем-то, а на свободе, созданной самим иным. Отсюда и появляется идентичность в политике. Эта установка иллюстрируется на примере боливийского философа и политического активиста Фаусто Рейнаги, который заявил, что он не индеец, а Аймаара. Но поскольку из него сделали индейца, то в качестве такового он будет бороться за свое освобождение². В этом смысле идентичность в политике — это единственный способ деколонизального мышления в противовес политике идентичностей, глубоко укорененной в имперской риторике модерности.

Одним из вариантов реализации идентичностей в политике можно считать идеи интеркультурализма и плюринационального государства, как они были сформулированы коренными народами и начали воплощаться в политической реальности Андских государств³. Выступая против монокультурного и моноценностного государства, интеркультурные проекты, по сути, совершают подкоп под политическую теорию, на которой основывается современное монотопическое государство, с его непрременной иллюзией собственной нейтральности, объективности, неизбежности и демократичности, и что немаловажно, с видимостью превосходения проблемы идентичности среди «своих». Противоположный сконструированный полюс чужого ассоциируется с цветом (расой, религией, этничностью и т.д.), а значит, оказывается маркирован, и любые

² См.: Там же.

³ См.: CONAIE. 1997. *Proyecto Político*, Quito: CONAIE.

политические интервенции этого маркированного полюса предстают автоматически как эссенциалистские и фундаменталистские. Поэтому, прежде чем говорить об идентичностях в политике, необходимо обнажить скрытую идентичность универсализма либерально-демократических теорий, а также оттолкнуться от расиализированных идентичностей, сконструированных западной модерностью, чтобы создать модели ре-экзистенции для будущего.

В идентичностях в политике важен сдвиг от простых требований признания существования культурного, религиозного или любого другого различия (как отличия от нормы) к эпистемологическим правам иных, на которых строятся политические и экономические освободительные проекты и возникающий деколониальный субъект утверждает себя как различие, как часть негомогенного целого человечества.

Плюриверсальный мир предполагает отказ от любых абстрактных универсалий, которые предстают как благо для всего человечества, поскольку защита человеческой общности и одинаковости и затушевание различия всегда являются требованием привилегированного субъекта в господствующей политике идентичностей. Если мы оставим без изменения фундаментальную эпистемологическую основу, на которой потом строится и политическая теория, и политэкономия, и государство, если мы останемся на субнациональном уровне гражданского общества, не посягая на государственное измерение и на политическое общество, продолжая работать в рамках прежней логики политических партий, то ни либеральное, ни социалистическое государство не сможет предложить ничего, кроме обанкротившегося варианта универсально понятой свободы, который будет продолжать мешать *другим* практиковать свою свободу.

Без осознанного отказа играть по правилам политики идентичностей освобождение сознания и бытия окажется невозможным, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным (не в смысле географического пространства, а в смысле гегемонии самих путей познания) идеям модерности и субъектностям, выросшим на этой основе. Идея идентичностей в политике и в эпистемологии вместо аутентичного знания и эссенциалистски понятой идентичности основывается на пограничном гнозисе, трансэпистемологическом взаимопроникновении и полилоге, стремясь к преодолению риторики модерности с ее скрытой логикой колониальности и к строительству не только негативных, но и позитивных моделей идентификации как ре-экзистенции.